
РЕЦЕНЗИИ

Евгений Сергеевич Добровольский

Учитель обществознания и истории
Средняя общеобразовательная школа № 30
Череповец, Россия
jekeedee@mail.ru

Рецензия на книгу: **Последнее десятилетия социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе (1985 – 1989/91): сб. ст. М.: Новый хронограф, 2016. 463 с.**

Рецензируемый сборник статей подготовлен редакционной коллегией немецких и российских авторов по материалам международной научной конференции «Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе (1985 – 1989/91), состоявшейся 27 – 28 июля 2013 года в Тутцинге (Германия). В 2016 г. издательством «Новый хронограф» сборник был издан в Москве. Издание осуществлено при финансовой поддержке Академии политического образования (Тутцинг, Германия), Представительства Фонда Конрада Аденауэра в Москве, Федерального Фонда изучения диктатуры СЕПГ, Германского исторического института в Москве, Русско-германского музея Берлин-Карлсхорст.

Сборник состоит из пяти тематических разделов, включающих четырнадцать статей. Текст статей в сборнике приведен на двух языках: русском и немецком. В конце издания представлен раздел «Итоги» на английском языке. Таким образом, результаты исследований историков и политологов становятся доступными для широкой научной общественности.

Первый раздел «Поздний социализм: новейшие аналитические подходы и состояние исследований» открывает статья профессора Южно-Уральского государственного университета Ольги Никоновой «„Севрюжина с хреном“ вместо “конституции”: от дихотомической модели к “понимающей” историографии позднего социализма». Как видно из названия статьи, в историографии данного вопроса существует два этапа. Первый этап включает в себя наличие двух дихотомий: «малую» дихотомию, включающую в себя «застой» и перестройку (веха 1985 г.), и вторую дихотомию – социализм и капитализм (с. 21). Второй этап – попытки осмысления позднего социализма, попытки понять завершающий этап существования советского общества. Автор справедливо отмечает, что «использование дихотомической модели для описания советского общества не только затемняет, но и искажает картину позднего социализма». Автор, в частности, соглашается с мнением А. Юрчака о нецелесообразности таких «бинарных оппозиций» как «подавление – сопротивление», «культура – контркультура» (с. 33).

Ольга Никонова приходит к выводу, что увеличивается количество работ междисциплинарного характера, справедливо получают распространение труды по истории повседневности, происходит переход от «рассказывающей» к «понимающей» историографии (с. 36).

В следующей статье «Что там, за “краем тарелки”: “конститутивная противоречивость” ГДР и перспективы глобальной контекстуализации трансформационных процессов» проректора по научной работе Южно-Уральского института управления и экономики Оксаны Нагорной отмечается особый интерес к истории второй немецкой диктатуры. По мнению автора, изучение общества Восточной Германии привело к складыванию многочисленных объяснительных концепций: ГДР – «государство обеспечения», «диктатура воспитания», «партийно-бюрократическое господство», «красная Пруссия», «нишевое общество». Подобное многообразие объясняется «конститутивной противоречивостью» (по определению Детлефа Поллака) и «непреодолимой мультиперспективностью» (формулировка Мартина Саброва). Поворотным моментом в истории немецких дискуссий о характере ГДР стало появление программной статьи Юргена Кокки, в которой он критиковал исследователей истории ГДР за самоизоляцию и за необходимость «выглянуть за край тарелки», за стремление вписать историю Восточной Германии в общеевропейские и глобальные процессы (с. 40).

Автор отмечает, что последнее десятилетие социализма, приведшее к краху ГДР, рассматривается на сегодняшний день через призму междисциплинарного подхода транснациональной истории, (дис)континуитет глобальных трендов, «западных» и «восточных» цивилизационных перспектив (стр. 42).

Второй раздел сборника «Системная трансформация в ГДР и СССР» состоит из трех статей. В работе сотрудника Центра изучения новейшей истории (Потсдам, Германия), представителя «новой политической истории», Яна Клааса Берендса «Дорога, уводящая от насилия, дорога, ведущая в насилие. Горбачевское цивилизованные сверху в исторической перспективе» дается интересная трактовка сути перестроечного времени с точки зрения деятельности силовых структур в СССР. Особое значение для понимания эпохи реформ имеют взаимоотношения между насилием и ненасилием как средствами политики. По мнению автора, советская власть всегда держалась на военной силе. Апогеем этой политики являлась «доктрина Брежнева», приведшая к войне в Афганистане (с. 53). В течение последующих десяти лет советское руководство искало пути выхода из внешнеполитического кризиса. СССР больше не мог быть внушающей страх супердержавой, происходило развитие «мягкой силы» (с. 55). Либерализация служила теперь только инструментом ослабления партии (с. 61). Берендс полагает, что крах советской империи в Европе и конец Советского Союза как государства являлись двумя различными событиями и должны рассматриваться по отдельности (с. 65).

Автор не ограничивается анализом последних дней СССР. После распада союза Ельцин не смог распустить силовые структуры: «КГБ переделся в российскую униформу». Не свобода и собственность, а власть и собственность

стали реальностью новой России. Сила, как и прежде, стояла над законом, государство не могло защитить своих граждан (с. 72). Москва снова сделала ставку на насилие, доказательством чему, по мнению Берендса, служат обстрел Белого дома и война в Чечне.

Берендс приходит к выводу, что перестройка – это короткий период сближения России с Западом. Самое большое достижение Горбачева – отказ от применения силы в Восточной Европе в 1989 г. Политика «цивилизации сверху» завершилась в начале 1990-х гг. Эта политика оказалась наиболее успешной на восточноевропейской периферии советской империи, где в итоге были созданы демократические государства. Внутри страны эта цивилизованная миссия перестройки потерпела крах (с. 76).

Профессор Высшей политической школы (Мюнхен, Германия) Маргарете Моммзен в своей статье «Крах системы в ГДР и в Советском Союзе после 1985 г.» подчеркивает, что перестройку Горбачев называл второй революцией. Автор не совсем согласна с такой трактовкой. Перестройка потерпела крах из-за задержки реформ и отказа от них со стороны номенклатуры. В СССР была не «революция сверху» и не «революция снизу», а решающим фактором изменений был отказ коммунистических партий союзных республик и их руководства от единоличного господства (с. 83). В ГДР, наоборот, имела место концепция «взрыва» режима. Другими словами, концепция революции. Причиной этого послужило отсутствие как реформаторского крыла в правящей партии, так и воли и желания политической элиты к преобразованиям (с. 85).

Научный сотрудник Академии политического образования (Тутцинг, Германия) Михаэль Майер в статье «Противодействовать трансформации? Горбачев и крах ГДР» размышляет на основе недавно досрочно рассекреченных актов французского министерства иностранных дел о роли президента СССР в крушении Восточногерманского государства. Эти документы открывают неизвестную ранее перспективу на действия Горбачева в переломную фазу 1989/90 гг. На основе рассекреченных бесед французского посла в Москве Жана-Мари Мерийона с представителем Отдела международных отношений при ЦК КПСС Николаем Португаловым автор пытается понять, как французы представляли кризис в СССР и ГДР. Майер отмечает важную роль ФРГ в процессе сохранения ГДР на политической карте мира, рассуждая о мысли Горбачева о «треугольнике» СССР – ФРГ – ГДР. Вывод автора в том, что крах ГДР постепенно затягивал в процессы разрушения и СССР (с. 94).

Третий раздел сборника «Экономика в трансформационную эпоху» открывает статья профессора Института экономики и дидактики Высшей педагогической школы (Карлсруэ, Германия) Хайке Кнорц «Недостаток рабочей силы и интенсификация трудовых процессов в последнее десятилетие социализма». 1980 год – время беспрецедентного провала советской экономики. Было понятно, что проблема с трудовыми ресурсами станет острой не позднее 1985 г. Автор доказывает, что советская и восточногерманская экономика в ближайшем будущем должны были оказаться в кризисной ситуации, которая означала серьезнейшую проверку народного хозяйства на прочность (с. 102). Стратегия

рационализации и высвобождения трудовых ресурсов в ГДР получила название «шведтская инициатива» по названию города Шведта, где находился «РСК Нефтеперерабатывающий комбинат» (с. 104). В планах пятилетки 1981–1985 гг. была задача высвобождения рабочей силы по образцу шведтской инициативы. Такая практика стала обязательной для всех предприятий ГДР. В Советском Союзе был свой пример по образу Шведта – химический комбинат в Щекино. Автор приходит к выводу, что все попытки интенсификации производства, предпринимавшиеся в СССР на основе щекинского эксперимента, а в ГДР – по образцу шведтской инициативы, не принесли желаемого результата. Экстенсивный тип экономического роста оказался не в состоянии адекватно реагировать на вызовы современности.

Роман Кирсанов – старший научный сотрудник Института российской истории РАН – в статье «Финансовая система ГДР и СССР» рассматривает роль коммерческого банковского сектора на заключительном этапе перестройки. Автор приходит к выводу, что новые банки не оказывали ощутимого влияния на экономику стран (с. 112). Таким образом, перевод советской экономики на рыночные отношения сопровождался обострением сложностей и противоречий финансовой системы СССР: ростом товарно-денежной несбалансированности и бюджетного дефицита, падением покупательной силы рубля. Если реформирование банковской системы в СССР стало одним из факторов усиления сепаратистских тенденций (поспешность и ошибки при реформировании, стремление создать свою денежно-кредитную систему) и развала страны, то в ГДР модернизация банковской системы, наоборот, явилась следствием объединения с ФРГ (внедрение на территории ГДР принципов и форм организации коммерческого банковского сектора) (с. 113).

Четвертый раздел сборника «Общество и идеология в последнее десятилетие социализма» состоит из четырех статей. Научный сотрудник Лейбницевской исследовательской коллегии «Разочарования в XX столетии. Утрата утопии», Института современной истории Мюнхен-Берлин и университета Мюнхена Конрад Шидат в своей статье «„Тревожно, но социализм снова на пороге?“ Дебаты западногерманских левых в СССР и ГДР в 1985–1991 гг.» отмечает, что споры о трансформации политических систем в двух государствах в основном шли на страницах левого западногерманского журнала “Konkret”. Постепенно журнал превратился в рупор так называемых новых левых. Здесь печатались маоисты, троцкисты, зеленые, социал-демократы, диссиденты из ГДР.

Шидат замечает, что сначала в 1987 г. историкам и политологам был присущ оптимизм, что реформы в СССР – это строительство нового социализма, но на более высоком уровне. Некоторые западногерманские марксисты понимали новый социализм в традициях новых левых. Изменения в риторике авторов наступают в 1988 г., когда своим «новым мышлением» Горбачев разрушил «крепость мировой революции...» (с. 122). Проанализировав разницу подходов в оценке событий последнего десятилетия социализма, Шидат приходит к выводу, что «1980-е гг. это было не первое десятилетие другого социализма, а последнее десятилетие реально существовавшего социализма». Переход от ожи-

даний к разочарованию был характерен для всех представителей левых. В конечном итоге это разочарование привело к кризису левого движения на Западе (с. 122).

Редактор отдела новостей Русской службы Радио Свобода/Свободная Европа (Прага, Чехия) Петр Черемушкин в статье «Кризис и распад в СССР системы пропаганды и информирования о странах советского блока на примере ТАСС» рассматривает информационный аспект в процессе распада Советского государства. В советские времена острые темы и конфликты в отношениях со странами советского блока или замалчивались, или излагались эзоповым языком, или игнорировались, или табуизировались (Катынь, восстания в Берлине, Венгрии, отношения с Югославией и Албанией). СССР всеми силами пытался заблокировать информацию о движении «Солидарность» в Польше (с. 135). В Советском Союзе в наличии были закрытые темы. Достаточно часто советские люди узнавали мировые новости из западных источников. Событие, надломившее советскую систему с точки зрения изолированности от реальной информации, – авария на Чернобыльской атомной станции в 1986 г. Черемушкин отмечает, что, когда стало известно о техногенной аварии за рубежом, советские СМИ не могли больше замалчивать правду (с. 136).

Особый эмоциональный окрас статье придают воспоминания автора о пребывании в Польше в 1988 г. «Увиденное там, не соотносилось с тем, что о Польше писали в советских СМИ». Особое впечатление на автора произвела демонстрация по случаю 70-летия независимости Польши. «Люди шли с портретами Пилсудского, этого политического деятеля в Советском Союзе обычно называли фашистом. Это была католическая, националистическая, антисоветская и буржуазная, а никакая не “социалистическая” страна» (с. 139–140). Вывод автора таков: «ТАСС по-прежнему оставался «фабрикой иллюзий». ТАСС служил государственной коммунистической идеологии почти до конца СССР». Но революции в странах социалистического блока в Восточной Европе и распад СССР привели к ликвидации Главной редакции социалистических стран ТАСС (с. 145).

Фолькер Бенкерт – лектор Аризонского университета (США) – в статье «Перформативная перемена или дифференциация? Последнее поколение СССР и ГДР и конец государственного социализма» рассматривает социализацию когорты рожденных на рубеже 1970-х гг. в ГДР как последнего социализированного в ГДР поколения. Исследователь опирается на теорию Алексея Юрчака о дифференциации последнего поколения ГДР и СССР, при этом выделяя 7 типов социализации. Автор подчеркивает удивительную вариантность типов восточногерманской социализации и объясняет ее не только креативным перетолкованием социалистических дискурсов, но и сплетением множества специфических факторов.

Научный сотрудник Частного университета Зигмунда Фрейда (Вена, Австрия) Анна Шор-Чудновская подготовила статью «Сила и слабость общественной критической рефлексии в годы перестройки». По мнению автора, перестройка интересна своей слабостью, хотя по масштабам изменений ее слабой

никак не назовешь: завершение холодной войны, крушение социалистического лагеря, распад Советского Союза (с. 159). Автора перестройка интересует в первую очередь на уровне общественного мышления и общественной рефлексии (с. 160). Советское общество обладало двумя примечательными чертами: 1) игнорирование реальности; 2) наличие лукавого человека. Мечта, иллюзия, обман, утопия, ложь – важные политические и культурные составляющие советского общества.

По мнению автора, «перестройка – это возможность наконец-то построить, а точнее до-строить давно задуманное...» (с. 162). В итоге многие историки и политологи пришли к выводу, что «перестройка – попытка перестроить неперестраиваемое, реформировать неререформируемое (с. 165).

Три важнейших требования (по Ясперсу): сознание необходимости нравственно-политической революции, безграничная воля к прекращению преемственности от прошлого, понимание необходимости и желание создать что-то новое, не были реализованы в перестройку. По мнению автора, возможно именно в этом заключалась ее главная слабость (с. 178).

Пятый раздел «Потребление и повседневность в 1980-е гг.» открывает статья докторанта Института европейской этнологии Гумбольдтского университета (Берлин, Германия) Андреа Праузе «Параллельный мир моды. Многогранные процессы эрозии в поздней ГДР на примере альтернативной культуры». В своих размышлениях она опирается на материалы интервью с архитекторами, художниками и модельерами ГДР. По мнению А. Праузе, жители ГДР и СССР проживали в мире дефицита моды. Экономия материала, функциональность, скромность стиля и комфорт расценивались как соответствующая потребностям рабочего класса характеристика стиля одежды. С начала 1980-х гг. в ГДР стала развиваться альтернативная модная сцена. Эти люди позиционировали себя как часть альтернативной среды ГДР, противопоставленной социалистической морали и эстетике. В собственных квартирах, в ателье шилась и продавалась модная одежда из разных материалов. Появилось понятие «общество модного дефицита» (с. 183). Следующий шаг с 1984 г. – показ мод и шоу различного рода.

Феномен альтернативной модной сцены в качестве субкультуры в ГДР представлял собой меньшинство, но все же актеры и модельеры влияли на облик урбанистических центров Восточной Германии, возбуждали и воодушевляли молодых граждан ГДР со сходным восприятием мира (с. 186). Основа альтернативной модной сцены – это люди, родившиеся около 1960-го г. По Берндту Линдеру, поколение «дистанцировавшихся» (с. 187). У таких людей постулаты «социалистический стиль жизни» и «социалистическая личность», по мнению автора, превратились в «макулатуру» (с. 189). Статья изобилует множеством фотографий членов модной группы «Шикарно, очаровательно и длительно» («Chic, Charmant, Dauerhaft» («CCD»)) (с. 187, 191, 192, 193, 194, 195).

Такая субкультура артикулировала себя как носитель протестного и конфликтного потенциала, протестуя против государства СЕПГ. На модельной до-

рожке и на «сцене» крупных городов можно было транслировать невербальные критические послания, которые в ГДР невозможно было произносить открыто, так что этот феномен представлял собой часть «художественного лица оппозиции» дистанцировавшегося поколения (с. 196).

В итоге в 1988 г. Институт моды ГДР зарегистрировал 300–400 независимых модных групп, на действия которых государство не имело никакого влияния. Этот факт указывает на развал власти ГДР. Альтернативная мода внесла свой вклад в крах восточногерманского государства. По мнению автора, мода превратилась в отличительное средство и вышвырнула в мусорный ящик возвышенные идеологические цели, а также железный занавес еще задолго до мирной революции 1989 г. (с. 198).

Доцент кафедры истории России Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Алексей Попов в своей статье «Осень “Интуриста”: идеология, рекреационная стратификация и “теневая” экономика в последнее советское десятилетие» затрагивает неизученный вопрос как в отечественной, так и в зарубежной историографии – исследовать в «зеркале» Всесоюзного акционерного общества по иностранному туризму в СССР («Интурист») советскую жизнь и советских людей незадолго до того, как «Страна Советов» ушла в небытие (с. 200). Многие советские граждане в 80-е гг. тоже пользовались услугами «Интуриста». Автор описывает деятельность фарцовщиков и прости-туток на территории гостиничного комплекса «Ялта». Алексей Попов приходит к выводу, что случай «Интуриста» в 1980-е гг. показывает, что изменение мировоззренческих, ценностных и этических установок советских людей в последнее советское десятилетие неравномерно охватывало различные поколения и слои населения, но при этом стабильно опережало трансформацию институциональных структур (с. 212).

Профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Игорь Орлов в своей статье «От политической бдительности к “разумной общительности”: советский выездной туризм в 1980-е гг.» рассматривает историографию въездного и выездного советского туризма. Он отмечает, что масса документов по этому вопросу в отечественных архивах еще засекречена. Автор работает с материалами трех архивов: ГАРФ, РГАС-ПИ, РГАНИ. Орлов приводит интересные статистические данные: в первую половину 1980-х гг. советские туристы выезжали, главным образом, в 10 стран: Болгарию, ГДР, ЧССР, Польшу, Венгрию, Югославию, Финляндию, Румынию, Индию, Кубу (с. 222). За 1960–1980-е гг. за рубеж выезжало не более 0,4–0,9 % советских граждан. Даже во второй половине 1980-х гг. выездной туризм не превышал 1 % от общего мирового туристского потока (с. 223). Большое развитие у советских людей приобрел торговый туризм.

Историк приходит к выводу, что как международный туризм, так и выездной, постепенно приобретали форму диалога Запада и Востока, разрушая «железный барьер» в сознании представителей двух «лагерей». В 1980-е гг. по мере ослабления регламентации контактов с местным населением зарубежный туризм в большей степени стал каналом проникновения в СССР ценностей за-

падного мира. А вестернизация страны внесла свой вклад в разрушение советской государственности и развал Советского Союза (с. 227).

Результаты сборника в целом наглядно показывают, насколько актуально изучение последнего десятилетия существования социализма в научной и общественной среде. Подбор статей и структура сборника адекватно отвечают замыслу организаторов конференции. Первый раздел демонстрирует состояние современного историографического ландшафта, сложившегося и складывающегося вокруг последнего десятилетия социализма. Во втором разделе нашли свое отражение позиции таких направлений в немецкой науке, как традиционной и новой политической истории. Третий раздел посвящен экономике в трансформационную эпоху. Статьи четвертого раздела представляют трехстороннюю перспективу социальных трансформаций в Европе. Истории культуры потребления и повседневных поведенческих практик различных социальных групп посвящен пятый раздел сборника. В целом, представленные материалы затрагивают самые значимые направления исторической науки: политическую, экономическую, культурную историю и историю идей.